

Посвящение скульптору Клодту

Андрей Щербак-Жуков

В новом свете

Андрей Щербак-Жуков больше известен как автор книжных рецензий, обзоров и критических статей. Шесть лет он проработал в редакции газеты «Книжное обозрение», сейчас – вольный журналист, публикуется в «Аргументах и фактах», «Ex libris НГ», журнале «Если». Вместе с Евгением Харитоновым он выпустил книгу «На экране – Чудо: Отечественная кинофантастика и киносказка (1909-2002): Материалы к популярной энциклопедии». Прямо сейчас готовится к защите диссертации по теме «Использование мифологических структур в драматургии фантастического кино»...

Но читатели «Летописи Интеллектуального зодчества» хорошо знают его еще и как автора фантастических произведений. Ведь именно с его рассказа «Новое назначение» в нашем журнале началась литературная рубрика. На протяжении четырех лет он представлял нашим читателям произведения своих друзей и знакомых – российских писателей-фантастов. И вот решил показать собственную новинку.

За последнее время рассказы Андрея Щербака-Жукова печатались в сборниках «Наши в городе» (М.: ЭКСМО-Пресс, 2001), «Фантастика 2002. Выпуск 2 (М.: АСТ, 2002), «Фэнтези-2005» (М.: Эксмо, 2005), «Новые марсианские хроники» (М.: РИПОЛ Классик, 2005), «Звездный портал» (СПб.: Азбука, 2005), журнале «Техника – молодежи». А когда-то сборник его рассказов «Сказки о странной любви» на фестивале фантастики «Аэлита» (Екатеринбург) получил приз «Старт» - за лучший дебют в области фантастики. Его миниатюры награждались на «Интерпрессконе» (Санкт-Петербург) и «Фанконе» (Одесса).

В новом рассказе Андрей Щербак-Жуков задается сложным вопросом: может ли что-то быть оправданием для угнетения личности? Даже если эта личность – Умный дом. Идеалисты говорят красивые слова, а между тем всю историю человечества одни угнетают других, а современное российское общество все сильнее распадается даже не на класс, а на касты: богатые богатеют, бедные беднеют, средний класс – растворяется. Уже сейчас у детей представителей разных классов принципиально разный уровень образования, а вместе с ним и мышления. Как они будут смотреть друг на друга, когда вырастут? А ведь все начинается с семьи, с дома... И отношение к Умному дому может оказаться мерилем отношения ко всему миру, включая и менее обеспеченных представителей человеческого рода.

*Михаил Фокин,
главный редактор журнала «Летопись Интеллектуального зодчества»*

Вот что я тебе, сынок, скажу первым делом... И ты это, пожалуйста, не просто запомни... Запоминать тут особенно нечего... Ты это уясни, что ли... В общем, обдумай хорошенько и прими к сведению. Поскольку это теперь должно стать основой всей твоей работы и всего твоего существования... Да-да, существования!

Потому что оно теперь у тебя будет отделено от работы. Такова уж судьба объездчика... Таков его священный долг... Так вот: дома – это живые существа! Вот!

Сказал он это твердо, но как-то необычайно по-доброму. А сказав, сделал паузу. Вероятно, для того, чтобы я, как он велел, «обдумал» сказанное им и «уяснил».

Наставник был невысоким и коренастым, с короткими, слегка кривоватыми ногами и широкими ладонями на довольно длинных руках. Эти ладони – из всего его облика – бросались в глаза в первую очередь.

И лучше всего запоминались. Еще обращали на себя внимание глаза-угольки, сверкающие из-под густых, мохнатых бровей, и высокий морщинистый лоб, переходящий в залысины. Голова крепко сидела на короткой шее. Всем своим видом Наставник внушал уверенность и основательность. Наверное, иначе он не стал бы наставником. Ведь наставник – это вроде как старший брат, а такого старшего брата мне хотелось иметь всегда. В общем, он мне понравился сразу... Впрочем, мне тогда любой крепкий мужчина старше меня по возрасту казался образцом силы и надежности.

- Понял? – спросил он после паузы.

Я кивнул.

- Ничего-то ты не понял... - горестно произнес он. –

Ну, как тебе это объяснить? Дома – они как люди или

как животные. Кроме интеллекта у них есть психика и, можно даже сказать, характер... Да-да – характер. И это главное! Они отличаются от всяких там роботов и прочих машин, которые просто собираются на заводах. Даже от биомехмобилей. Они не создаются – они рождаются! Пусть искусственно, но – рождаются... Ма-аленькими такими! Потом растут...

Я снова кивнул. А он продолжил:

- Так вот: они рождаются, потом начинают расти... И вот тут есть два варианта. Первый – более простой. Хотя и хлопотный. Когда дом чуть-чуть подрастает, в него поселяют мышку. Пока дом маленький, он особенно не сопротивляется. Мышка в нем живет, а он привыкает к ней... А когда дом еще больше подрастает, в него селят уже хомячка, и они снова свыкаются. Потом селят кошку, потом – собачку. Сначала небольшую, потом – побольше... Дом привыкает, что в нем все время кто-то живет, и растет спокойным, миролюбивым. И вот, наконец, дом совсем вырастает, ну, то есть становится взрослым и перестает расти совсем. Дома, они хоть и живые существа, но все же искусственные – они запрограммированы при рождении на определенный размер. Тот на пять комнат, этот на шесть, тот на два этажа, этот – на четыре... Все по-разному. Так вот, когда дом вырастает совсем, приходят испытатели. Деятельность их, конечно, важная и нужная, но нашей работе – нечета. Мы их в своем кругу называем «хомячками». Потому что по большому счету то, что они делают, не сильно отличается от того, что делают все эти мышки и собачки. Они поселяются в молодом доме и живут в нем – обживают. Ну, то есть приучают уже к тому, что жить в нем будет человек. Они обучают дом всему необходимому, тренируют его, проверяют, испытывают. А когда всему

научат – тогда его уже продают владельцу, тот въезжает со всем своими вещами и живет себе... Такой вариант считается более простым и спокойным. Но только среди богатых заказчиков он считается непрестижным. Считается, что дома, выращенные таким образом, получаются покладистыми, но безвольными. Бесхарактерными, что ли... Они вялые какие-то. Изюминки в них нет. Их покупают, в основном, люди не самого большого достатка. А вот настоящие богачи брезгают, не берут. Они хотят иметь дом с норовом, с характером, с индивидуальными чертами... Понимаешь? Я снова кивнул. Наставник тем временем перевел дыхание.

- А чтобы характер заиметь, - продолжил он, - дом должен расти на воле. Никто его не должен до поры до времени тревожить. Тогда дом растет решительным, смелым, сообразительным. Они живут стадами, на горных пастбищах. У нас для этого есть специальный Заповедник. Старшие дома чему-то там учат младших, тренируют их, воспитывают. Я в это дело не особенно вникал – есть для этого специальные люди. Они постоянно следят за домами, но аккуратно – так, чтобы не помешать им. А когда видят, что какой-нибудь дом достаточно вырос, то ищут на него заказчика. А как найдут – вызывают уже нас, объездчиков. Наша профессия – подвиг! Все мы – храбре-

цы, ковбои, победители! Наша задача – поймать дом и усмирить его. А дело это, скажу я тебе, не из легких. Дом-то дикий! К человеку он не привык! Он вообще не привык, что в нем кто-то находится, а, тем более, что он должен этому кому-то подчиняться. Он и в мыслях этого не имеет. И мы должны его укротить, должны заставить уважать человека, во всем беспрекословно его слушаться. А дом – это же ого-го! Это же силища! Не скрою, многие объездчики гибнут. Опасная у нас профессия, сынок... Однако выбора нет... Невольное воспоминание вдруг захватило его, заставили поджать губу и потупить взгляд. Видно, есть ему что вспомнить, вид-

но были у него ситуации... Вот бы рассказал! Конечно, я все это видел совсем другими глазами. Я видел в своей будущей профессии романтику, верил в свою силу и удачливость.

- Ты ведь тоже детдомовский? – неожиданно спросил Наставник.

- Ага, - сказал я.

- Ни отца, ни мать не помнишь?

- Нет, не помню... Помню только воспитателей...

- Я тоже. Сюда таких только и присылают.

- Наверное, потому что у нас лучше подготовка! – предположил я. – Мы же все время занимались спортом, тренировались... В отличие от домашних...

- Да нет, - совсем уж невесело произнес Наставник. – Это, скорее уж, для того, чтобы некому было потом скорбеть...

Я не знал, что ему ответить, я, вообще, не хотел об этом думать. А он сам видимо понял, что коснулся какой-то неправильной темы, и поспешил ее сменить:

- Пойдем-ка лучше в столовую. На этом первое занятие можно уже и закончить. Хватит для начала. Ты только все это хорошенько обдумай сегодня же вечером. Будешь тренироваться в зале, штангу качай, а сам думай. Это не так просто, как кажется. Это надо переварить...

В столовой мне сразу же понравилось. Там было все не так, как в нашем детдоме – вместо одного длинного стола, за которым толкалась спешили занять места воспитанники, здесь были небольшие столики на двоих. Потом я понял, что это не случайно – чтобы лишний раз укрепить единство пар из наставника и ученика.

Моя будущая профессия мне нравилась до чрезвычайности. Я так и представлял себя героем полей и прерий, бесстрашным охотником, представителем высшей касты Укротителей Домов. Мне снилось, как я догоняю огромный дом на скоростном биомехмобиле, как заскакиваю в него на ходу, как он становится мне послушным, и как он потом покорно, слушаясь моих приказов, преклоняется перед своим будущим хозяином. И в самой Школе Объездчиков мне нравилось буквально все: и распорядок дня, и программа подготовки, и даже само расположение комнат в помещении, где мы жили. Я с гордостью носил на рукаве шеврон с эмблемой – изображением древней скульптуры, мужчины, упавшего на колени, но не выпускающего из рук аркана, которым он поймал ретивого коня... Все в Школе меня радовало – с самого утра. Ранний подъем, зарядка на свежем воздухе, хороший завтрак. После него – несколько часов теоретических занятий: каково внутреннее строение дома, как себя он ведет на свободе, и как должен жить «под человеком», на чем основаны главные приемы его укрощения и объездки...

- У дома есть центр управления, - объяснял мне на одном из занятий Наставник. – И есть центр боли. Они находятся рядом, но все же отдельно. Если дом послушный, то человек обходится одним центром управления, но если тот начинает проявлять норов, то не обойтись без наказаний – для этого и существует центр боли. Нам же – объездчикам – без болевого воздействия никак не обойтись. Нам необходимо показать дому, что он должен подчиниться, должен во всем слушаться человека. Именно поэтому на объездку дома всегда выходят пары: один воздействует на центр управления, другой – на центр боли. Это позволяет выработать у дома твердые условные рефлексы, определяющие потом его поведение «под человеком». Если объездчики действуют четко и слаженно, обычно Дом быстро подчиняется – это в нем заложено создателями. Но попадают и упрямые экземпляры. С ними приходится повозиться. Именно поэтому наша специальность считается одной из самых опасных в градостроении...

Наставник задумался, а я воспользовался паузой для того, чтобы задать вопрос:

- А много объездчиков гибнет?

Ответ я получил не сразу. Наставник думал: то ли подбирал подходящие слова, то ли решал, что стоит мне говорить, а что нет.

- Не много. Но бывает и гибнут. В основном это плохо подготовленные ученики. Те, кто недостаточно подготовлен физически, недостаточно грамотен теоретически... Ну, еще те, кто переоценивает свои силы...

После теоретических занятий – пара часов физической подготовки: штанга, турник, брусья. Потом обед. А потом – до самого ужина – тренировки на свежем воздухе: бег на дальни дистанции, прыжки, кувырки... На некоторых тренировках учеников сопровождали наставники, другие же молодежь осуществляла самостоятельно. Нам ведь еще только предстояло накачать мускулы, как у наших наставников.

- Твоя жизнь зависит от того, как хорошо ты подготовлен, - говорил мой Наставник. – Готовься заранее, когда ты выйдешь навстречу дому – будет поздно...

Потом я узнал, что совсем недавно погиб его ученик. Именно поэтому к нему и приставили меня – взамен тому. Я у него был вторым. А тот – погибший – был и навсегда останется первым...

Ну, а после ужина, вечером – несколько часов самообразования в Сети. Вот такой распорядок дня.

Свой первый Дом я запомнил очень хорошо. Он был сравнительно небольшим – одноэтажным, но на семь комнат. Я подумал, что это добрый знак – знак того, что мой работа объездчика будет счастливой и удачливой. Потом я узнал, что молодых далеко не сразу посылают на большие дома – приучают пос-

тепно. Грамотная система...

Сразу же за огороженной территорией, прилегающей к нашей Школе Объездчиков, той, на которой мы занимались физической подготовкой, начинается бескрайнее плато. Это Заповедник Диких Домов. Мне, выросшему в тесных клетях детдома, трудно даже представить себе его размеры. Чтобы пересечь Заповедник от одного края до другого на машине потребуется несколько часов, а, может быть, и дней... На территории этой есть бескрайние зеленые луга, на которых нагуливают бока дикие дома, есть чистые родники и ручьи, из которых они пьют воду, есть густые рощи и крутые скалы. В некоторые уголки даже на биомехмобиле просто так не забраться. Для этого у Школы есть вертолеты. Они бороздят пространство над Заповедником – следят за тем, как растут дома. Опираясь на результаты этих наблюдений, специалисты решают, что тот или иной дом уже пора объезжать. И вот тогда в свою машину садится одна из пар объездчиков...

Мы ехали больше трех часов. Такой красоты я не видел еще никогда! Сначала мы ехали по полям, вдоль высокого горного хребта. Языки зелени, как могли, тянулись вверх по крутому склону, набрасывались на его подножье, но ни один не смог добраться даже до середины. Там зиял грубый, отполированный ветрами камень. Лишь в некоторых местах в непрекращающейся борьбе за существование росли редкие чахлые кустики – иногда просто какие-то невзрачные былинки, гордые тем, что забрались на такую высоту и до сей поры удержались на ней. Эти растительные скалолазы представлялись мне символами упорства и непреклонности... Зато вершину хребта венчал огромный густой, словно шевелюра мифического великана, сноп зелени. Там росли совершенно особенные, непохожие ни на какие другие, растения. Таких не было нигде больше – ни в долине, ни у подножья, ни на скальных уступах. Они родились на вершине. Они никуда не стремились, не тянулись вверх, ни боролись за жизнь – они просто росли на вершине мира. Их было мало, да и тем было тесно, но они были самими густыми и красивыми...

Пока я пылливо рассматривал скальный склон и размышлял об экологических нишах различных представителей растительного мира, под брюхом нашего биомехмобили с бешеной скоростью двигались псевдоподии – несли нас вперед, даже не приминая густой травы. Потом я заметил, что хребет начал изгибаться и все сильнее заступать нам дорогу. Поначалу мы немного забирали в бок, в сторону от него, а потом впереди стал виден перевал. В этом месте в хребте оказалась впадина, как будто специально проточенная ветрами, а может быть, даже в незапамятные древние времена и

водами, для нас – стремящихся на другую сторону этой природной преграды, этого скального великана. Пологая осыпь, ведущая к перевалу, была покрыта редким кустарником. Наш биомехмобиль легко взобрался по ней к самой ложбине. В высшей точке хребта Наставник остановил машину, и я задохнулся от прилива чувств, сопутствующих наблюдению той красоты, что открылась нам в один миг. Прямо перед нами шёл спуск – просвет между довольно высокими хвойными деревьями, завладевшими большей частью скло-

же понемногу таял – вниз, в долину с него стекала река. Она серебряной лентой извивалась вдоль склона, потом двоилась, тропилась и, наконец, исчезала. А внизу, посреди луговых трав, было небольшое озерцо – вода поблескивала в солнечных лучах. Судя по всему, когда-то давно там была такая же клякса снега, но она уже сдалась – растаяла... А возле нее паслись дома. Одни задумчиво щипали траву, другие – иногда взбрыкивали на месте и кружились волчком. Я понял, что это они так играют. Некоторые дома иг-

подъехать к стаду до того, как они начали беспокоиться. Дома мирно паслись возле озерца, не обращая на нас особого внимания. До тех пор, когда они решились-таки сдвинуться с места, мы еще заметно подсократили расстояние. Неспешной трусцой они двинулись врассыпную. Не скрываясь, мы ехали по прямой к тому дому, что был нашей целью. Заметив, что мы неуклонно едем именно к нему, дом еще раз взбрыкнул на месте и бросился от нас. Мы, не сбавляя скорости, чуть свернули вбок и помчались ему наперерез. Ос-

на. За ними был виден новый луг – он находился выше того, который мы уже оставили за спиной, трава на нем была более светлой и, как я потом узнал, более густой и сочной. Прямо перед нами, за этим светлым лугом, возвышался склон нового хребта. Он был заметно выше того, на котором мы находились, но в отличие от него поднимался более полого. Он плавно, но уверенно тянулся к самым облакам. На вершине его светилось несколько грязно белых пятен. Я понял, что это вечный снег. Он лежал здесь с незапамятных времен, держался, но все

рали друг с другом: толкались, гонялись, подпрыгивали...

- Вон тот, - показал на одного из домов мой Наставник.

И я подумал: «Это будет мой первый дом». Конечно, Наставник остановил биомехмобиль не для того, чтобы наслаждаться красотами. Кратко и по-деловому он обрисовал мне план наших совместных действий... И машина, сорвавшись с перевала, понеслась вниз, прямо к пасущемуся стаду домов. Дома не сразу распознали в нас источник опасности. Нам удалось довольно близко

тальные дома, отбежав чуть в сторону, продолжили мирно пастись. Началась погоня, самой сути которой противоречили идиллические пейзажи вокруг...

Собственно, продолжалась эта погоня не так-то и долго. Дом удирает лениво и как-то неохотно. Он как будто не верил, что люди все-таки пришли за ним. Наш биомехмобиль вскоре поравнялся с трусящим по густой траве домом. Какое-то время мы ехали рядом. От дома веяло мощью, дикой звериной силой, и при этом еще и какой-то дикой же наивностью и незащищенностью...

Наставник передал мне рычаги управления биомехмобилем, а сам начал готовиться к прыжку. По его команде я чуть-чуть вильнул в сторону, бок нашей машины слегка коснулся стены дома, и точно в этот момент Наставник прыгнул. Он уцепился за что-то одному ему заметное, и только тогда я понял, что это дверь. Сначала он повис на ней, но потом ловко подтянулся, распахнул ее и исчез внутри. И сразу же дом замедлил свой бег. Его как будто посетило замешательство. Он еще никогда не испытывал таких ощущений... В нем оказался человек! В нем посторонний! В нем инородное тело! В этот самый момент замешательства я снова подвел биомехмобиль к его стене, переключил машину на автопилот и прыгнул...

Как мне потом говорил Наставник, далеко не всем удается в свой первый загон так точно прыгнуть в тот самый миг, когда нужно... Потому что дом мешкал буквально пару секунд. Осознав происходящее с ним, он снова взбрыкнул и понесся с новой силой. Вот теперь он по-настоящему разошелся! Я висел на двери и думал, что сорвусь, однако долгие тренировки не прошли зря – я подтянулся, может быть, не так ловко, как мой Наставник, но все же подтянулся и нырнул внутрь дома.

Дом несся галопом со скоростью хорошего монорельса. Удержаться на ногах было невозможно – мы все время подлетали чуть ли не к самому потолку. Наставник крепко держался за центр управления и старательно жал его псевдокнопки, а мне коротко кивнул на центр боли. С трудом сохраняя равновесие, я добрался до нужного места и ухватился за него.

- Жми! – скомандовал Наставник.

И я нажал.

По внутренней стороне стен дома пробежала судорога. Затем вторая. Дом как будто споткнулся на бегу. Он подпрыгнул на месте и вновь бросился бежать.

- Жми! – вновь крикнул Наставник.

Я вновь нажал, и новая судорога – сильнее тех, что были раньше, – сотрясла стены дома. Однако на этот раз дом почти совсем не замедлил свой бег.

- Сильнее, - крикнул Наставник.

Я жал, но результат был еще менее заметен – кажется, дом привык к боли, научился, если не подавлять ее, то уж точно не так сильно на нее реагировать. Понимая это, Наставник коротко скомандовал: «Меняемся!»

- и жестами показал, на какие псевдокнопки центра управления мне стоит жать. Когда рокировка состоялась, Наставник вновь кивнул мне – мол, начали – и со всей силы ударил по центру боли.

Дом встал так резко, словно у него вмиг исчезла всякая возможность передвигаться. При этом он издал невероятно громкий и нестерпимый вопль, граничащий с ультразвуком. Все его стены мелко задрожали. Мне

показалось, что вот-вот они сомкнутся и раздавят нас... Однако Наставник вновь ударил по псевдокнопкам – дрожь прошла, дом приглушенно крикнул и весь как-то оплыл. - Готов, - радостно проговорил Наставник. – Смирился!

В Школу мы вернулись без приключений. Первый загон потряс меня, однако довольно скоро я отошел. Мне специально дали отойти. А потом был второй дом, третий, пятый...

Признаюсь, поначалу я недооценил серьезность нового задания. Я не придавал должного значения тому, как обеспокоенно мой Наставник разговаривал с Куратором, тому,

И трижды он уходит от наших... Два человека погибло... Оба – ученики... Этот дом – хитер и свободолюбив. К тому же, похоже, у него занижен болевой порог. А им – срочно... Ну, ясно, появился заказчик. Дом-то хорош, спору нет, - отличный экземпляр.

Неожиданности начались с самого начала. Дом заметил нас, как только наш биомехмобиль появился на перевале. Он знал, откуда появляются объездчики! У озера он был один – матерый, крупный, трехэтажный. Не успели мы сориентироваться на местности, как дом бросился от нас наутек. Наставник злобно сжал зубы и прибавил скорости...

как в конце беседы он едва не сорвался на крик:

- Мой ученик еще недостаточно опытен! Он в строю всего полгода! Это же такой риск! Но Куратор успокоил его:

- У твоего ученика отличные результаты. Он хорошо подготовлен.

- Тут важен опыт, а не результаты!

- Дом нужен срочно. Это приказ, - отрезал Куратор и ушел.

Как мог, я постарался успокоить Наставника:

- У меня ведь, и правда, очень хорошие результаты. Лучшие в Школе! Я справлюсь с любым заданием!

- Понимаешь, сынок, этот дом – перестарок. Его уже пытались укротить трижды.

Погоня продолжалась вчетверо дольше обычного. Дом хитро водил нас вокруг холмов, озер и рожиц; он петлял, однако мой Наставник каждый раз заранее угадывал его очередной маневр и успевал срезать хоть немного того расстояния, что разделяло нас. Когда мы, наконец, приблизились к дому вплотную, тот совершенно неожиданно бросился вверх по склону – тому самому, которым я когда-то так зачарованно любовался в первую свою охоту.

- Тут-то тебе и конец, - прошипел сквозь зубы Наставник.

И пояснил мне:

- Дома – плохие скалолазы! Тут мы его обскочим!

Однако дом довольно лихо забирался все выше и выше. И все-таки здесь он уже не мог так ловко вилить.

Примерно в середине склона мы достигли его и пошли рядом. В такой непосредственной близости я почувствовал, что этот дом – действительно особенный. От него веяло не только какой-то неукротимой мощью, но еще и волей. Да-да, именно волей. А еще готовностью применить всю эту силу и всю эту волю для сохранения своей свободы. Это был не просто зверь, это было настоящее чудовище...

тат был прежним – дом в точности повторил наш маневр, сохранив расстояние между нами недостаточным для прыжка. Наставник выругался.

- Так мы его не возьмем.

- Может, я попробую? – предложил я. – У меня хороший прыжок...

Наставник несколько секунд размышлял, в упор глядя мне в глаза. Потом кивнул, и мы поменялись местами.

Я приготовился к прыжку и мысленно помогил тому мужчине, что был изображен у меня на шевроне, тому, что держал на аркане

не реагировал. Я видел, как в окне мелькают крупные камни и верхушки невысоких деревьев. Дом продолжал нестись вверх по склону.

- Центр боли! – кричал мне снаружи Наставник.

Я бросился туда.

Мой первый удар заставил дом вздрогнуть, но не сумел замедлить его бега. Второй – тоже... Я снова и снова колотил по псевдо-кнопкам центра боли – по стенам пробегали судороги, дом дергался всем своим телом, но скорости не сбавлял.

Наставник передал мне рычаги управления и приготовился к прыжку. По его команде я вильнул в сторону дома... Но тот буквально в следующий миг вильнул тоже. Наставник балансировал на самом краю, хватал воздух руками – еще немного и он бы просто упал. Он вернулся в кресло и откинулся назад – со лба у него струями тек пот, руки дрожали. Уняв нервную дрожь и чуть отдохнув, Наставник вновь встал наизготовку. Он вновь командовал мне – я вильнул... Но резуль-

кона... Наставник вильнул, и я прыгнул. Дом вильнул тоже, но я все же успел уцепиться за дверь.

Меня бросило о стену. Дом взбрыкнул, и меня ударило снова. Мои пальцы онемели и одеревенели, но я не ослаблял хватки.

Я подтянулся и ввалился внутрь. Там все было, как всегда, как обычно. Изнутри этот дом не отличался от своих сородичей. Одним прыжком я оказался возле центра управления и начал жать псевдокнопки. Дом

Иногда через окно мне был виден биомехмобиль и Наставник в нем. Он пытался подобраться поближе, но дом умело маневрировал. Ситуация казалась патовой. И тут Наставник вильнул сильнее, чем обычно, и ударил дом бортом биомехмобиля. Тот издал недовольный звук и весь вздрогнул. Наставник ударил снова. Дому это явно не нравилось... Наставник гнал дом вверх по склону и раз за разом бил в бок. Дом сотрясался все сильнее и сильнее. Я держался за что мог.

Дом уже начал терять скорость, и тут я увидел в окне чистое небо. Мы оказались на вершине горы. Наставник хотел вновь ударить дом, но тот упредил его и бросился на таран первым...

Две махины сошлись с глухим треском и обе покатались кубарем вниз по дальнему склону – судя по всему, более крутому, чем тот, по которому мы забирались вверх. Меня бросило на стену. Резкая боль пронзила локоть. Брызнула кровь. Я увидел, как разрывая мышцы, показалась кость... Меня бросило снова, на этот раз пострадала нога. От боли у меня потемнело в глазах, и я потерял сознание...

Когда я очнулся, было темно. Лишь откуда-то сбоку пробивался сизоватый, если можно так выразиться, полусвет. Достаточный только для того, чтобы убедиться в том, что я не ослеп, а просто нахожусь во тьме.

- Эй! Ты как там – очнулся?

- Д-да... А кто это? – неуверенно проговорил я.

- Он еще спрашивает, – недовольно фыркнул голос в темноте. – Это я. Дом, в котором ты находишься.

Я злобно сжал зубы, но промолчал. А он между тем продолжил.

- Не скрипи зубами. Ты мне неприятен не меньше, чем я – тебе. Но иного выхода нет. Я должен помочь тебе, а ты – мне. Я начал первым...

- Ты врешь! – только и мог произнести я.

- Неблагодарное животное... – пренебрежительно процедил дом. – Я же залечил все твои раны.

Я вспомнил про переломы, пощупал руку, потом ногу – все было цело, там, где раньше были переломы, чувствовался зуд, но не боль.

- Чего ты хочешь? – спросил я.

- Мы упали с довольно высокой кручи, сломав при этом немало деревьев...

- Я, кажется, помню...

- Это хорошо... Так вот: мы лежим у подножья скалы, на нас насколько еловых стволов, да еще и ваше средство передвижения...

- Биомехмобиль...

- Да, вы его так называете...

- А где мой Наставник?

- Он погиб. Возможно, я сумел бы его спасти, если бы он, как ты, был внутри. А так – увы... Даже если бы хотел... Впрочем, скажу честно, я и не хотел... Будем откровенными. Я промолчал.

- Так вот: я вылечил тебя и готов выпустить, но сначала я хочу, чтобы ты пообещал, что разберешь тот завал, что не позволяет мне подняться.

- А если я не сделаю этого? А просто уйду...

- Ну, во-первых, тебе придется очень далеко идти. До вашей Школы не одна сотня километров...

- Я дойду!

- Насколько я знаком с местной флорой и фауной, человеку тут трудно будет найти пропитание...

- Ну, а что во-вторых?

- Во-вторых, тогда ты поступишь бесчестно...

Эти слова прозвучали так просто и наивно, что заставили меня всерьез задуматься. Я не хотел быть бесчестным. Наверное, поэтому я попытался найти себе оправдание:

- Но ты ведь дом – ты должен служить людям!

- Кто это решил? Люди?

Мне нечего было сказать.

- Но ведь ты искусственный! Ты результат генетического синтеза!

- Ты тоже!

- Я?

- А как же! Вас вывели, чтобы было кому угрожать нас! Ты этого не знал? Конечно, вам этого не говорят...

- Ты врешь!

- А ты повторяешься, – равнодушно сказал он. – Вас точно так же, как и нас выращивают в пробирках. Только нас потом отпускают в Заповедник, а вас – отдают в детдом... Ты знал хоть одного объездчика, у которого были бы родители? Таких нет!

- Я не верю тебе! – в сердцах кричал я. Все картина мира переворачивалась у меня в голове, и я, как мог, сопротивлялся этому. Дом же, похоже, чувствовал, какая борьба идет у меня внутри, и выжидал.

- Я не верю ни единому твоему слову! – снова кричал я.

- Твое дело... – нарочито равнодушно произнес дом. – Но есть еще и в-третьих...

- Что?

- В-третьих, даже если ты дойдешь до Школы, неизвестно, как тебя там встретят...

Послушай.

Что-то щелкнуло, и на стене загорелся псевдоэкран. Я увидел стандартный интерфейс выхода в Сеть.

- Посмотри новости вашей Школы.

Я послушно зашел на наш сайт.

- Кликни раздел «Происшествия», – руководил мною дом.

На экране появилось лицо диктора.

- Невероятное происшествие произошло на последней охоте. Ученик предал своего Наставника. Это случилось позавчера...

- Позавчера, – удивленно повторил я.

- А ты думал, так просто было зарастить твои переломы?

- Во время планового загона дома, – продолжал диктор, – по вине ученика погиб наставник. Это произошло из-за его недостаточной подготовки, смелости и решимости... Место нахождения Ученика пока еще неизвестно...

- Да что они говорят! Это же неправда!

- Они получили показания ваших биочипов: он умер, а ты – жив... Вот и все. А обычно бывает наоборот: погибают Ученики. Опыт-

ные объездчики стоят дорого. Наставники – это высшая каста. Хотя над ними и стоят кураторы. Кто выше – я не знаю... В общем, у наставников приказ: при любой опасности подставлять своего ученика...

- Но мой же – наоборот! Он берег меня!

- Поверь мне, опаснее было в доме. Он послал тебя в самое пекло, а сам... Если бы он сам не сгруппировал, ему бы ничего не грозило... А теперь ЧэПэ – погиб Наставник. Кого-то надо в этом обвинить. А кому нужен ученик без наставника... Вот тебе и козел отпущения... Натэ, пожалуйста...

Я серьезно задумался.

- Скажи, а кто же тогда настоящие люди? Как они выглядят? Где живут?

- А вот этого как раз я не знаю. Ходят слухи, что где-то далеко есть огромные золотые города. И в них, окружив себя машинами, в бездельи и в роскоши живут настоящие люди... Еще говорят, что в степи есть умирающие города и грязные поселки, в которых тоже живут люди. Но другие... Говорят, что люди давно разделились на очень богатых и очень бедных... Кто знает, что из этого правда...

Я молча встал и пошел к двери.

- Открывай...

Первое, что я сделал на свету, – сорвал с плеча шеврон с изображением мужчины, укрощающего коня, и выбросил в пыль. А потом пошел разбирать завал.

Дом поправлял силы на ходу. Он шел все быстрее и быстрее. Я сидел перед окном и с любопытством изучал окружающие пейзажи. Другие луга были скромнее, чем тот, на котором мы обычно ловили дома. Вот почему они непременно ходили на выпас так далеко от своего Поселка.

- А что я буду делать у вас?

- Не знаю. Но надеюсь, что нам удастся достаточно долго скрывать тебя от твоих бывших коллег. А там будет видно... Кто знает, может быть, имея на своей стороне объездчика, нам удастся вырваться из Заповедника на свободу...

В Поселке Домов нас никто особенно не встречал – все занимались своими делами. Первыми, кого я увидел, были домики-дети. Разнокалиберной стайкой они обступили дом постарше. Подпрыгивая на месте от нетерпения, юные домики слушали своего более взрослого соплеменника.

- Вот что я вам скажу первым делом... – говорил он серьезным тоном. – И вы это, пожалуйста, не просто запомните... Запоминать тут особенно нечего... Вы это уясните, что ли... В общем, обдумайте хорошенько и примите к сведению... Такова уж судьба дома... Так вот: объездчики – это не простые орудия для ловли домов, придуманные хитрыми и злыми людьми. Это живые существа. Такие же, как мы! Вот!.. ■